

О ВОЗНИКНОВЕНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МАНУФАКТУРЫ В РОССИИ

П. И. Михайлов

В научной литературе была высказана правильная оценка «крепостной мануфактуры» как вотчинной промышленности, никаких капиталистических отношений не выражавшей. Но та же самая «крепостная мануфактура» так же, как и крупное феодальное земледельческое хозяйство, с течением времени порождала мелкое производство, ведущее к капитализму¹.

Одним из важных факторов зарождения и развития товарного производства в недрах феодализма был рост денежных оброков и податей², который усилился во второй половине XVIII века. Государственные ясачные некрещеные вотяки Арской дороги, Казанского уезда, в наказе своему депутату Уложенной комиссии 1767 г. жаловались прежде всего на то, что подушный оклад в 55 коп. с 1760 г. взимается с них по 85 копеек³. Ландмилицкие однодворцы Ногайской и Арской дорог, того же уезда, в наказе писали, что по первой и второй ревизиям они платили по 1 р. 10 к. с души в год «и от того... окладу едва управлялись»; по третьей ревизии на них был положен оклад в 1 р. 85 к.⁴ Крестьяне Тавельской, Саралийской, Рождественской и других сотен Казанского уезда, приписанные к Камско-Воткинским заводам, по третьей ревизии платили подушных денег по 1 р. 73½ к. в год. Они писали, что «зарабатывают» «всякою заводскою работою по раскладу подушных денег по рублю по сороку копеек, а оставшие[ся] за роскладом требуют в кантору по тридцети по три копейки с половиною з души». Кроме того, в 1767 г. они собрали «в подмогу от миру на одежды и на хлеб денег» по 5 руб. на каждого из 350 мастеровых, рекрутированных из их среды на постоянную заводскую работу⁵. Фабричные крестьяне Казанского суконного заведения с 1792 г. вместо прежних семигривенных подушных денег платили с каждого стана по рублю в месяц⁶.

Вследствие роста денежных податей и барщины происходило массовое обнищание крестьян, приписанных к Камско-Воткинским заводам. Часть из них, еще способная поддерживать свое хозяйство, «с принуждением канторы» нанимала вместо себя «посторонних» людей «дорогою ценою поденно», которые и отработывали урок. Мы вправе назвать это зарождением примитивных отношений купли-продажи рабочей силы, скованных цепями крепостничества. Буржуазные отношения завязываются здесь не между заводовладельцем и наемными рабочими, а в среде самих крестьян, многие из которых «уже не пахут», «пришли в нищету» и вынуждены наниматься к состоятельным крестьянам. Резкая разница в размерах заводской плакатной платы и оплаты труда наемных рабочих (наемный труд дороже крепостного в 2—10 и более раз) не оставляет сомнения в том, что денежная форма оплаты труда на «крепостных мануфактурах» сама по себе никакого капитализма не выражает.

Во второй половине XVIII в. система найма вместо себя работников широко менялась на казенных и посессионных предприятиях. Она была закреплена и специальным законодательным актом. По указу от 20 мая 1785 г., в случае неисполнения приписными крестьянами заводских работ, возложенных на них по манифесту от 21 мая 1779 г., предписывалось «на щет их нанимать вольных работников и переданные

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Госполитиздат. 1948, стр. 299.

² См. В. И. Ленин. Т. 3, стр. 126, 548.

³ Государственный музей ТАССР, плоскостной фонд П 58—10

101621.

⁴ Там же, П 58—11

101622.

⁵ Там же, П 58—10

101621.

⁶ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Министерства внутренних дел (МВД), 2-я эксп., 1803 г., св. 34, д. 11, лл. 1—12.

сверх плакатной цены деньги взыскивать с тех, кто тому причиною...»⁷. На Тульском оружейном заводе числятся много оружейников, «которые нанимают вместо себя работников, или имеют какую-либо промышленность, и получают от домов своих доходу по крайней мере пятьдесят рублей»⁸. На Казанской суконной «фабрике» встречаемся с тем же явлением. В 1791—1797 гг. контора раздавала шерсть «фабричным женам и дочерям», «чтоб они пряли... для основы без всяких отговорок». Некоторые мастеровые эту шерсть «отдавали с воли от себя» наемным людям. При оплате вольнонаемного труда к «фабричным» деньгам «прибавляли своих денег на оную пряжу по 80 коп.». А из «фабричной» конторы они «получили за каждую основу на стан 1 р. 60 к.»⁹. Таким образом, вольные люди пряли за более высокую плату — по 2 р. 40 к. за основу. В 1894 г. подкарьер той же «фабрики» Ив. Шилов в жалобе на владельца писал, что он «в отвращение могущего случиться неудовольствия» со стороны «фабриканта» обязывался нанять вместо себя работника, «как на фабрике всегда водится»¹⁰.

Необходимо отметить распространенность взимания с крепостного населения мануфактурного (неземледельческого) оброка, тоже приводившего к росту обмена и к имущественной дифференциации крестьянства. Крестьяне Саралийской сотни, Казанского уезда, ежегодно поставляли на Воткинский завод в «росклад» 2750 пудов золы. Кроме того, со всех приписных сотен поставлялось на Воткинский и Ижевский заводы «по вся годы» 7 тыс. ведер дегтя. Крестьяне, которым «за положенными заводскими работами исправиться [было] никак не можно», покупали золу по 9 коп. пуд, тогда как завод платил по 2 копейки. За ведро дегтя заводы платили 3½ коп., а крестьяне его покупали «в других местах дорогою ценою с поставкою на оные заводы» по 25 коп. ведро. В 1768 г. граф Шереметев приказал брать с женщин села Иванова оброк пряжей: с 18 до 20 лет — по 3 фунта, с 20 до 25 лет — по 5 фунтов, с 25 до 30 лет — по 10 фунтов. Женщины могли платить мануфактурный оброк деньгами из расчета по 20 коп. вместо фунта пряжи¹¹.

Денежный и мануфактурный оброк, а также «фабричная» барщина были важными стимулами для зарождения и роста крестьянского мелкотоварного производства. Промышленная барщина и оброки отрывают крестьянина от сельского хозяйства, земледелие его приходит в упадок. В той же мере он приспосабливается к новому источнику существования: не ограничиваясь производством на помещика, расширяет свое производство промышленных изделий и выносит их на рынок. Село Иваново, где издавна имелись помещичьи промышленные заведения, еще в 60-х годах XVIII в. славились крестьянскими ткацкими изделиями. «Описание г. Острогожска с уездом» 1767—1773 гг. констатирует, что значительную долю товарооборота ярмарок в Острогожске составляли крестьянские предметы (пестрядь, льняной и хрящевой холст и пр.), привозившиеся из Суздальского уезда, Московской губернии, где находилось село Иваново¹². То же самое говорится о сумских ярмарках 1779 г.: «Холст и крашенина привозятся многим числом, возов до ста, а иногда и по дву сот з Суздали и протчих подмосковных городов тамошними купцами и покупаются и развозятся в донские станицы, в Азовскую и в Новороссийскую губернию и в Малороссию»¹³. Сильное развитие у крестьян села Иванова ткацкого производства на рынок было отмечено Чулко-

⁷ «Санкт-Петербургский журнал», 1806. № 3, стр. 136—150.

⁸ И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода. М. 1826, стр. 85.

⁹ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, 1799 г., св. 349, д. 622, лл. 2—11. Туган-Барановский и некоторые советские историки рассматривают подобную систему домашнего отбывания неzemледельческой барщины как наемную систему домашней промышленности или как внешнее отделение мануфактуры, отождествляя ее с капиталистической работой на дому. В. И. Ленин, напротив, указывал, что это — типичное явление для средневекового хозяйственного режима (М. Т. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. 1938, гл. VII, особенно стр. 200—205; Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века «Вопросы истории». 1952, № 2, стр. 81—84; См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 329).

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. МВД, 1-я эксп., 1804 г., св. 6, д. 90, лл. 1—4.

¹¹ Памятная книга крестьянина с. Иванова А. Ф. Полушина. «Русский архив». Кн. 2, вып. 6. М. 1898, стр. 179.

¹² Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетия. Т. I. Харьков. 1886, стр. 232.

¹³ Там же. Т. II. Харьков. 1890, стр. 400.

вым¹⁴. В 1766 г. шуйское купечество в своем наказе жаловалось, что «крестьяне совсем сами делаются купцами, а купцов лишением торгов доводят, чтобы и совсем их не было»¹⁵.

В селе Павлове у Шереметева в 1766 г. была слесарная «фабрика», где крепостные крестьяне делали ружья, ножи, ножницы, щипцы, замки и пр. Восьмая часть продукции шла на нужды помещика, остальная часть — в продажу. Организация труда здесь ничем не отличалась от той, которая существовала в казенных и посессионных заведениях. В доме Шереметева имелись свои маляры, кузнецы, печники, столяры, резчики, паяльщики, штукатуры и пр. Помещик часто отдавал своих крестьян на обучение мастерству. Например, по указу Шереметева от 19 августа 1764 г. сын дворового конюха Ив. Фуфай был «отдан стороннему мастеру для обучения башмачному женскому мастерству» с выдачей «денежного жалования по 2 р. в год, а хлебную и прочие дачи против других учеников холостых»¹⁶. Многие из крестьян села Павлова и Воремы, отбывавшие барщину на вотчинной «фабрике», в 60-х годах XVIII в. имели свои мастерские, в которых изготовлялись различные товары из железа и пр.¹⁷.

Во второй половине XVIII в. происходит весьма интенсивный рост мелкого производства. Депутат нижегородских пахотных солдат Жеребцов на 58-м заседании Уложенной комиссии 9 сентября 1767 г. говорил, что в Нижегородской губернии «находятся многие знатные села», в которых живут ремесленные люди, производящие всякие товары, бывают торги и ярмарки¹⁸. Крестьяне сел Павлово, Лысково, Мурашкино и Работки заводили «мыльные, кожаные, прядильные, крупяные и солодовенные заводы»¹⁹. М. Чулков, указывая на повсеместный характер превращения крестьян в товаропроизводителей и обобщая факты капиталистического разложения их, писал, что «купец вместе и пахарь» и что ремесленник «отнимает хлеб у купца», а пахарь занимает место ремесленника²⁰.

Арзамасский и Нижегородский городские наказы констатируют, что из-за конкуренции с крестьянами и разночинцами «многие купеческие (разумеется, посессионные.— П. М.) заводы запустели, торги и промыслы остановились, и купечество пришло в великий упадок»²¹. Ясачные некрещеные вотяки Казанского уезда в своем наказе жаловались, между прочим, на притеснение их привилегированными купцами. Указывая, что последние не допускали их к торговле в городах и на ярмарках, они требовали дозволения свободно торговать не только в своем уезде, но и на «пограничных ярманках». «Мы в лавках не торгуем, но и покупной уездный товар продаем им же купцам великою цены убавкою», — писали крестьяне. Отсюда видно, что на почве мелкокрестьянского производства на рынок образуется сельская торговая буржуазия, которая промышленности на «купленном уездном товаре». Следующий пункт наказа свидетельствует о более глубоком разложении крестьянства: скорее крестьяне-капиталисты, чем наемные рабочие, требовали, чтобы тех, которые «наняются из своей воли в работники на срок со взятием наперед заработных денег... повелено было до срока от того хозяина не отнять, разве тому согласен будет хозяин». Господство крепостнических порядков, естественно, сталкивало владельца капитала с собственником душ. В жалобе отражена борьба интересов буржуазии, эксплуатировавшей наемный труд разоренных крестьян, и помещика, притеснявшего и тех и других на основе владельческого права. Молодая буржуазия робко выражала недовольство своевольным всеильного душевладельца, отрицавшего оплаченную ею рабочую силу.

На Тульском оружейном заводе производство, как известно, было основано на труде крепостных мастеровых. Но то же самое феодальное производство, разлагаясь,

¹⁴ М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции. Т. VI, кн. 4. М. 1786, стр. 205.

¹⁵ А. Степанов. Крестьяне-капиталисты. Изд. Государственного русского музея. 1926.

¹⁶ Указы гр. П. В. Шереметева его управителям. «Русский архив». Кн. 2, вып. 6. М. 1898, стр. 275—278.

¹⁷ М. Чулков. Указ. соч., стр. 264; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. Госполитиздат. 1947, стр. 506—508.

¹⁸ Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 4, стр. 113—117.

¹⁹ Там же. Т. 134, стр. 5.

²⁰ М. Чулков. Указ. соч., стр. 251—252.

²¹ Сборник РИО. Т. 134, стр. 5.

порождало мелкое капиталистическое производство. В первой четверти XIX в. из среды тульских крепостных оружейников выросли довольно крупные капиталисты. Гамель писал, что «многие оружейники имеют собственные разного рода фабрики и некоторые из них довольно значительные». В списке тульских оружейников, имевших «собственные свои фабрики», автор перечисляет 44 заведения, которые работали на рынок²². Начало зарождения мелкого производства на базе разложения крупной феодальной хозяйственной системы относится к более ранней эпохе: оружейники, «выпущенные в промышленники», существовали еще во время второй ревизии²³.

В 1750 г. Сенат разрешил «выключить» из числа мастеровых Казанской суконной «фабрики» и оставить в купечестве бывшего крепостного крестьянина Костромского уезда Игн. Войлошников с сыном. Войлошников «имел не малые торги и промыслы и кожевенные заводы и отпуска юфтного и прочего товару к Санктпетербургскому порту и в другие города». По таможенной записке, с 1744 по 1748 г. им было отпущено товаров на 14 500 рублей. «По довольным торгам и промыслам» своим Войлошников принадлежал к числу 15 «знатных» казанских купцов. На «фабрике» по второй ревизии были и другие «ему подобные из купечества» мастеровые²⁴. В 1798—1799 гг. Мануфактур-коллегия рассматривала три прошения «касательно до причисления» 45 мастеровых той же «фабрики» «в просимое ими купеческое и мещанское звание». Состоя крепостными работниками при «фабрике», они не работали на ней, а занимали вместо себя вольных людей. Основными занятиями их стали торговля и промышленность. Среди мастеровых, желавших записаться в купечество, есть весьма значительные капиталисты. Например, «точильный мастер Андрей Серебореников имеет у себя собственные солодовни, пивоварни и прочие заводы, в Казане состоящие, от которых и приобрел собственного капитала до 8 200 рублей; мастеровой Филипп Леонтьев с товарищи, всего 25-ть человек, приобрели собственного капитала каждое семейство по 2 025-ти рублей; Дмитрий Сивухин с прочими, всего 19 человек, имеют дома и производят ...торги»²⁵. Бывший в числе 45 мастеровых Аф. Горшенин в 1808 г. вновь просил зачислить его в купечество. Горшенин с сыном и братьями обучились «собственным своим коштом печному и гончарному ремеслу», «посредством найма работников зделав гончарный завод и производя на оном работу, стали иметь от того пропит»²⁶. В 1802 г. из крепостных указанной «фабрики» были «уволены к записке в Казанский посад 8 человек»²⁷. В 1803 г. Сенат предписал «остаться вечно при фабрике» еще 38 суконщикам, которые просили записать их в посад²⁸. В 1811 г. владелец Казанской суконной «фабрики» Г. Осокин передал губернатору просьбу четырех мастеровых «уволить [их] из звания фабричных людей для записки в купечество». Из них Б. Герасимов «обращается» в свободное от барщинных работ время в торговле, Соловьев «приобик к торговым промыслам, исправляет за себя возлагаемую для фабрики работу—ческу и прядение шерсти—наемными людьми»²⁹. В 1812 г. Г. Осокин обратился к губернатору с просьбой «отпустить вечно на волю четырнадцать человек мужеского и девятнадцать женского пола душ фабричных». Некоторые из них «упражнялись с малолетства в торговом промысле»³⁰. В 1813 г. были уволены с «фабрики» в купечество 10 семейств мастеровых, которые «сами не занимались фабричною работою», а «обращались в торговом промысле, ческу и прядение исправляли за себя наемными людьми»³¹.

²² И. Гамель. Указ. соч. «Прибавление» № XIV, стр. 67—69, 86.

²³ Е. П. Подъяпольская. Ревизские сказки как исторический источник. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, стр. 317.

²⁴ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Сената, д. 90/2673, лл. 280—283; д. 90/2573, лл. 302—315.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, 1798 г., св. 343, д. 405, лл. 19—25. В переводе в купечество и мещанство мастеровым было отказано.

²⁶ Там же. ф. МВД, 1-я эксп., 1804—1814 гг., св. 7, д. 112, лл. 7—10.

²⁷ Центральный государственный архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР), ф. Казанского губернского правления, 1804 г., оп. 1, л. 373.

²⁸ Там же. 1807 г., д. 11, л. 268.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. МВД, 1-я эксп., 1804—1814 гг., св. 7, д. 112, лл. 33—35.

³⁰ ЦГА ТАССР, ф. Казанского губернского правления, 1812 г., д. 16, л. 73.

³¹ Там же, 1813 г., д. 1, л. 790.

Выделение купцов и промышленников из среды крепостных мастеровых представляет собой типичное явление в истории «крепостных мануфактур». В 1806 г. ходатайствовал об увольнении из звания «фабричных» мастеровой Красносельской бумажной «фабрики» В. Исаков. В том же году были отпущены на волю 39 мастеровых с семействами с Московской полотняной «фабрики» Ф. Пантелеева³². О давности и типичности капиталистического разложения крепостной массы свидетельствует указ от 28 ноября 1761 г., который предписывал особо учесть во время третьей ревизии крестьян, «записавшихся в купечество»³³.

Многие из состоятельных крепостных мастеровых, еще не записанных в купечество, взамен «фабричной» барщины платили владельцу мануфактурный или денежный оброк, находя «способ обращаться с большею выгодой в других ремеслах»³⁴. Мастерской Казанской суконной «фабрики» Аф. Горшенин, претендовавший на купечество, «примерно лет около двадцати» сверх барщинной «печной работы» ежегодно поставял на «фабрику» 48 основ шерстяной пряжи. Позднее он был принужден «за те основы взносить деньги, а напоследок вместо оных основ отдавать готовое сукно, покупая оное на посторонних фабриках». В 1807 г. Горшенин за 5 ревизских душ своей семьей сдал на «фабрику» 500 аршин сукна, в 1808 г. — 600 аршин³⁵. По словам мастеровых, к 30-м годам XIX в. Осокин «отпустил на оброк до 100 человек с платой по 8 р. в месяц». Эти крепостные «по достатку своему» были «из оброка от работ свободными»³⁶. Обуржуазившаяся часть мастеровых Казанской суконной «фабрики» настолько отвыкла от барщинных работ, что в 1817 г. пожаловалась «на принуждения [владельцем] многих работать на фабрике, которые до сего времени на оной не занимались, а платили вместо того деньги»³⁷.

«Ведомость о числе фабрик и заводов в городе Ярославле и его уезде в 1777 г.»³⁸ отражает самые различные ступени в развитии товарного хозяйства по пути укрупнения. Из общего количества 189 промышленных заведений, зарегистрированных в «Ведомости», 10 принадлежало помещикам, основывавшим производство на труде крепостных, в 30 заведениях хозяин изготовлял товары «сам собою», в 8 — «сам собою с детьми», или «своим семейством», в 2 — «собою и наемными людьми», и в 139 заведениях разной величины работали только наемные. Сопоставление размеров годовой производительности предприятий показывает, что некоторые из мелких мастеров, работавших «своим семейством», давали столько же, а иногда и больше продукции, сколько давали некоторые из мелких хозяев, прибегавших к найму рабочих. Здесь мы имеем дело с мелкотоварным хозяйством, которое прошло несколько этапов по пути к укрупнению: от разединенных мастеров-одиночек и «семейной кооперации», являющейся «залогом и основанием капиталистической кооперации»³⁹, до простой капиталистической кооперации, объединяющей небольшое число наемных рабочих. Притом «Ведомость» несомненно, не охватывает огромного большинства мелких заведений. В ней зарегистрированы и мастерские типа капиталистической мануфактуры. Число наемных рабочих не указано, и это лишает возможности посредством ленинского критерия (15 рабочих на одно заведение) выделить из общего количества заведений мануфактурные. Можно указать только на некоторые из них, где показатели размеров мастерских по числу станков и по объему годовой производительности позволяют заключать о вероятном разделении труда внутри мастерской. Таковы, например, шелковые предприятия И. Качурова (на 43 станках), Аф. Киселева (9 станков), В. Шаханина (7 станков), Е. Булычева (6 станков), Е. Бочкова (6 станков), кожевенный завод И. Кучумова (25 тыс. кож. в год), шляпные заведения А. Патрикеева (50 тыс. шляп в год), С. Опарина и И. Кулебякина (по 20 тыс. шт.) и другие.

³² Там же.

³³ Е. П. Подъяпольская. Указ. соч., стр. 318.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. МВД, 1810 г., д. 36, лл. 20—27.

³⁵ Там же, 1-я эксп., 1804—1814 гг., св. 7, д. 112, лл. 7—10.

³⁶ Там же, ф. Департамента полиции, 1834—1858 гг., д. 372, лл. 85—144, 185—188.

³⁷ ЦГА ТАССР, ф. Казанского губернского правления, 1818 г., дело указов Сената и Министерства внутренних дел, л. 129.

³⁸ См. А. Ф. Грязнов. Ярославская большая мануфактура. М. 1910. Приложение № 3, стр. 384—398.

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 347.

В списке «фабрик» и «заводов» Чулкова фигурирует ряд таких, владельцы которых происходили из крепостных мастеровых крупных феодальных предприятий или из помещичьих крестьян⁴⁰.

Источники XVIII в. бедны данными о росте наемного труда. Встречаются лишь косвенные и отрывочные сведения, далеко не полно отражающие действительность, но все-таки указывающие на более или менее широкое его распространение. В таблице, приведенной в статье Н. Полонской⁴¹, представлен рост денежного оброка в хозяйстве помещиков Куракиных. За период с 1788 по 1808 г. денежный оброк увеличился на 334,2%, то есть почти в 3,5 раза, а к 1839 г. возрос в 10 раз.

В 1788 г. из общей суммы оброчных поступлений 61,6% приходилось на крестьян, занятых в сельском хозяйстве, и 38,4% — на отходников. К 1808 г. доля оброка с отходников достигла 83,6%, а доля оброка с земледельцев снизилась до 16,4%. Автор статьи указывает, что оброк с крестьян, промышлявших в Петербурге в 1800 г. имел «самые различные расценки» — от 7 руб. до 3 тыс. руб. в год с души, смотря по их доходам⁴². Легко понять, что разница в размерах оброка отражает глубокое капиталистическое разложение отходников.

Источники второй половины XVIII в. свидетельствуют о распространении отходничества. Об этом говорит большое число паспортов, выдававшихся местными властями. По городам Слободско-Украинской губернии неокладные сборы «с даваемых покормежных паспортов» в 1757—1773 гг. составили 2 554 р. 71 к. в год⁴³. Во Владимирской губернии в 1784 г. сумма пошлин с «пашпортов» выразилась в 3 885 р. 60 к.⁴⁴ В Вятском наместничестве в 1781 г. «с челобитен, пашпортов и гербовой бумаги» было собрано пошлины 1 669 р. 64 к.⁴⁵ Заметный рост получения паспортов сельскими жителями в Ярославской, Московской и Костромской губерниях в последней четверти XVIII в. был отмечен Туган-Барановским⁴⁶. Встречаются также сведения, которые свидетельствуют о расхождении товаропроизводителей. В 1784 г. во Владимирской губернии купцов и мещан, «вышедших в разные звания», было 21, «записавшихся в мещанство из крестьян» — 77, «вышедших в разные звания» крестьян помещичьих, экономических, ведомства главной дворцовой канцелярии, дворцовой конюшенной канцелярии (по уездам без городов) числилось 659 (большинство их, 558, составляли помещичьи крестьяне)⁴⁸.

За недостатком места мы не можем рассматривать другую важную сторону разложения феодальной хозяйственной системы и зарождения капитализма. Это рост задолженности и разорения помещиков-промышленников, которые «кристаллизуются» в конкурентной борьбе с растущей буржуазией⁴⁹.

Ряд историков русской экономики занимается исследованием зарождения капитализма вообще, а не возникновения капиталистических отношений в отдельных отраслях промышленности. Капиталистическая организация производства появляется не во всех областях народного хозяйства одновременно. Она завоевывает одну область за другой. В. И. Ленин изучал поэтому пореформенное развитие капитализма в России по конкретным отраслям производства и установил, что капитализм довел до стадии крупной машинной индустрии к концу XIX в. не все, а лишь главные отрасли промышленности⁵⁰. В. И. Ленин показал также переживание рядом отраслей промышленности того времени мануфактурной стадии капитализма⁵¹. Отсюда следует, что

⁴⁰ М. Чулков. Указ. соч. Т. VI, кн. 3, стр. 647, 661, 667, 670, 685, 687, 694, 699—701.

⁴¹ Н. Полонская. Черты быта крепостных крестьян по данным вотчинного архива кн. Куракиных и гг. Чичериных. «Костромская старина». Вып. VII. Изд. Костромской ученой архивной комиссии. Кострома. 1911, стр. 128.

⁴² Там же, стр. 130.

⁴³ Д. И. Багалей. Указ. соч. Т. II, стр. 236—294.

⁴⁴ «Топографическое описание Владимирской губернии», составленное в 1784 г. Владимир. 1906, табл. А, стр. 12.

⁴⁵ «Столетие Вятской губернии». Сборник материалов к истории Вятского края Т. I. Вятка. 1880, стр. 215.

⁴⁶ М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 42—43.

⁴⁸ «Топографическое описание Владимирской губернии», стр. 12.

⁴⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 218.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 174.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 378.

историю капитализма надо изучать в его возникновении и развитии в отдельных конк­ретных отраслях народного хозяйства.

В. И. Ленин отмечал раннее возникновение капитализма в нашей хлопчатобумаж­ной промышленности. Он писал, что «капиталистическая организация хлоп­чатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»⁵². В нашей ли­тературе встречаются, однако, утверждения (например, П. Г. Любомиров⁵³), что хлоп­чатобумажное производство поздно вступило в мануфактурную стадию. Такое утверж­дение связано с отождествлением крупных предприятий, основанных на крепостном труде, с капиталистической мануфактурой, то есть с объединением в понятие «ману­фактура» и феодальных и капиталистических крупных заведений. Для хлопчатобумаж­ной промышленности характерным является как раз то, что она, возникнув из мелкого производства, раньше других отраслей достигла мануфактурной стадии. Главная при­чина необыкновенно быстрого роста хлопчатобумажного производства в дореформен­ное время заключается в его капиталистической организации.

Первый очаг капиталистического производства хлопчатобумажных тканей возник в Астраханской губернии. Объясняется это сравнительно слабым проникновением кре­постного права на юг страны и близостью источников сырья — хлопок ввозился из Средней Азии, Индии и Ирана. До 60-х годов XVIII в. на территории Астраханской губернии сел почти не было, а город представлял собой значительный торговый центр, выросший на посреднической торговле с восточными странами. Поэтому и промыс­ленность здесь развивалась главным образом на базе капиталистической организации производства.

В особой справке Мануфактур-коллегии о русских «ремесленных людях» в Астра­хани в 1760 г. наряду с «фабрикантами» со 115 работниками фигурируют 70 «ткачей платков, бязей, пестрядей бумажных и пр.». При этом прядением хлопка занимаются армяне, калмыки и татары, которые или выносят продукт на рынок, или прямо под­чиняются капиталу ткачей-хозяев. Существуют и особые красильщики тканей, кото­рых числится 24 человека, исключая людей нероссийского подданства. Естественно думать, что немалая часть заведений была типа простой капиталистической коопера­ции. В наказе армян в комиссию 1767 г. указывается, что в городе «имеется 163 души, имеющие у себя по рукоделию своему пестрядильные, бумажные фабрики и иные... у коих состоит всего с лишком 700 станов». Если отправляться от ленинского критерия при выделении мануфактур из массы мелких заведений, то эти данные заставляют думать, что многие из ткачей и «фабрикантов» сами были единственными работни­ками в своих заведениях, часть из них привлекала наемную рабочую силу в незначи­тельных размерах, но некоторые заведения относились к мануфактурным. В 1785 г. в Астрахани находилось уже 230 шелковых и хлопчатобумажных заведений «без при­вилегиев»⁵⁴.

Гораздо более определенную картину хозяйственного облика Астрахани рисует «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний», составленное в 1803—1804 годах. Из 92 «фабрик шелкового, полушелкового и бумажного рукоделия» 52 вырабатывали бумажные ткани на 567 станах. «Армяне и некоторые из татар имеют фабрики в своих домах, или в той связи [то есть в комнате], где сами живут, или в особливом строении при дворе своем... и содержат в себе каждая от 3-х до 6 станов». «Для каждого стана нанимают одного ткача, а при нем по два ученика. Почти при каждой фабрике должны быть красильщик, цевощники, которые разматывают шелк и бумагу с катушек в малые мотки, и когда будут сии мотки окрашены, тогда наматы­вают оные помощью махины на цевки». На 92 «фабриках» состояло 1 006 наемных ткачей, учеников и красильщиков, из которых около 800 человек — на хлопчатобумаж­ных предприятиях. Сравнительно небольшое число рабочих, приходившихся на одно заведение, дало П. Г. Любомирову основание ошибочно отнести эти мануфактуры к мелким предприятиям. Он причислял к мануфактурам заведения с 30—100 рабочими, не принимая во внимание характера эксплуатации. Здесь же в среднем на заведение приходится более 15 наемных рабочих. Автор «Описания» добавляет, что, кроме про-

⁵² В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 473.

⁵³ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 600.

⁵⁴ [Равинский]. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний СПб. 1809, стр. 233—235, 314.

изводства работ, внутри мастерской имела место раздача фабричных работ по домам. Хозлева мануфактур шелк и бумагу отдавали «в разные дома женщинам, дабы разматывали на катушки, с заплаотоу с каждого фунта по 40 копеек». Таких «разматывающих для фабрик шелк и бумагу в домах своих» русских, армян и грузин было 739 и прядущих хлопчатую бумагу татарок — 586⁵⁵. Таким образом, общее число наемных рабочих, подчиненных капиталисту внутри и вне мастерской, достигало 2 331 человека, то есть в среднем около 25 человек на каждую. Величина хлопчатобумажных мануфактур была различной. На 31 из них имелось от 4 до 10 станов, на 17 — от 11 до 20 станов, на 3 — по 24 стана и на 1—30 станов. Известная часть заведений из числа имевших от 4 до 10 станов не достигала, вероятно, размеров мануфактуры, но преобладание заведений мануфактурного типа несомненно. Большинство промышленных капиталистов имело «внешнее отделение мануфактуры». Они покупали труд прядущих и разматывающих пряжу женщин, низводя их на положение наемных рабочих. Мастерская капиталиста служила здесь главным образом для окончательной отделки товара, ибо значительная часть производственных операций выполнялась за ее пределами. Цифра «52» не охватывает всех хлопчатобумажных заведений Астрахани. По данным 1800 г., там было 134 «фабрики» бумажных материй, что указывает на наличие многочисленных мелких мастерских, образовавших основание для зарождения мануфактуры. Е. Зябловский указывает на 57 хлопчатобумажных заведений, находившихся в Астрахани в первом десятилетии XIX века⁵⁶. Ведомость 1814 г. регистрирует 77 бумаготкацких мануфактур с 587 станами и 691 наемным рабочим. Уменьшение числа заведений по сравнению с 60-ми годами XVIII в. показывает, по всей вероятности, не свертывание, как думал П. Г. Любомиров, а развитие этой отрасли промышленности, так как цифры 1800-х годов учитывают уже только более или менее крупные заведения, в которых были наемные рабочие, в то время как данные 60-х годов охватывают и мелкие мастерские.

Производство бумажных тканей возникло в 70-х годах в Сарепте, находившейся севернее Астрахани, на Волге. Там в 1804 г. было 25 ткацких и вязальных станов, а ведомость 1814 г. насчитывает уже 8 бумажных заведений (включая и трикотажные) с 58 станами и 66 наемными рабочими. Прядение хлопка производилось так же, как и в Астрахани, капиталистической «работой на дому по заказу за плату из сырья заказчика»⁵⁷. Такие же ткацкие заведения были в Царицыне (4 заведения) и в Саратове (14 заведений). В одном из саратовских заведений было 14 станов и 19 наемных рабочих; это заведение должно отнести к мануфактуре.

Хлопкоткачество было значительно развито в Оренбургской, Казанской и Вятской губерниях. Имеется указание оренбургского депутата Уложенной комиссии 1767 г. на то, что «в разных уездах многие крестьяне, особенно же татары, завели в деревнях разные заводы, работающие на рынок, а «некоторые из них бумажные и полотняные фабрики, изделия которых окрашивают в китайку»⁵⁸. В Казанской губернии в 80-х годах XVIII в. было 4 заведения (в Казани — 2, в Арском уезде — 2). В 1800 г. в Казанском и Царевokokшайском уездах числилось 10 заведений. Зябловский для первого десятилетия XIX в. дает цифру «14». По ведомости 1814 г. их значится 9. Выделяя районы, в которых находилось самое большое множество «фабрик» платочных и бумажных материй, Зябловский причисляет Казанскую губернию к наиболее славившимся в этой отрасли промышленности⁵⁹. В Арском уезде, Казанской губернии, «татары много делают кумачей, полагают до 500 000 аршин, которые они красят по большей части мареною»⁶⁰. В Вятской губернии первое бумаготкацкое заведение появилось в 1782 г., второе в 1785 г., к 1800 г. их было 3 (в Елабужском и Уфимском уездах). По ведомости 1814 г., в Вятской губернии насчитывалось 2 предприятия. М. Чулков указывает, что на казанский рынок поступали из Средней Азии ташкентская выбойка и пряденая бумага, а с Ирбитской ярмарки —

⁵⁵ См. там же, стр. 129, 601, 617.

⁵⁶ Е. Зябловский. Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. V. СПб. 1810, стр. 484.

⁵⁷ См. П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 130, 602, 620.

⁵⁸ Сборник РИО. Т. 8, стр. 291

⁵⁹ Е. Зябловский. Указ. соч. Ч. IV, стр. 101—102; ч. II, стр. 330—331.

⁶⁰ В. Андросов. Хозяйственная статистика России. М. 1827, стр. 178.

китайка⁶¹, что свидетельствует о наличии капиталистического рынка на полу-фабрикаты.

Изучение капиталистической промышленности центральных районов страны представляет более трудную задачу, чем изучение промышленности юга и окраин. Петербургская, Московская, Ярославская, Владимирская, Костромская и другие губернии являются старинными промышленными районами. Феодалное промышленное производство, существовавшее здесь с давних времен, во второй половине XVIII в. обнаружило признаки разложения, порождая мелкое производство, ведущее к образованию капиталистической мануфактуры. Поэтому наряду с промышленными предприятиями, основанными на крепостной зависимости непосредственных производителей, встречаются здесь и капиталистические заведения с наемными рабочими.

Крепостной труд применялся и в хлопчатобумажной промышленности. Ситцевые «фабрики» Чемберлена и Козенса (основаны около 1753 г.) в Петербургской губернии принадлежали к посессионным: они пользовались монопольными правами и имели своих крепостных мастеровых⁶². На ситцевой и выбойчатой «фабрике» Ив. Иконникова в селе Покровском, Московского уезда, заведенной в 1752 г. по указу Мануфактур-коллегии, работал 21 крепостной крестьянин⁶³. Китайчатая «фабрика» костромского помещика-посессионера Ив. Мещанинова (основана в 1767 г.) в Коломне тоже не была капиталистической. Старая ситцевая «мануфактура» Лимана в Шлиссельбурге, на которой работали люди, «присылаемые на фабрику за какие-нибудь вины», относится к той же категории «крепостных мануфактур»⁶⁴. Но крепостной труд в хлопчатобумажной промышленности занимал сравнительно незначительное место.

Оживленное развитие хлопчатобумажного производства в центральных районах происходило в мелкотоварном хозяйстве, из которого вырастала мануфактура. «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии», опубликованное в 1787 г., перечисляет 18 хлопчатобумажных, кумачных и чулочных заведений, из которых два в Серпуховском уезде были основаны на крепостном труде, одно в Москве — на труде 8 приписных крестьян и 15 наемных рабочих (явление, которое В. И. Ленин называл соединением барщинного хозяйства с капиталистическим) и 15 заведений — на труде наемных рабочих, причем цифра «15» охватывает только более или менее крупные заведения. «О крестьянах, живущих в Московском уезде, можно вообще сказать, — замечает автор «Описания», — что они более упражняются в ремеслах и рукоделиях, нежели в хлебопашестве; и в одной сей округе по их деревням казенного ведомства более 300 станов, на коих ткнут шелковые и бумажные материи, как-то: тафты, чунгураны, атласы, сырсаки, платки и кумачи; также несколько сот станов для тканья флеров и лент». Эти мелкие крестьянские промыслы, капиталистические по характеру, не отражены в числе 15 заведений. Крестьяне слободы Пешки, Воскресенского уезда, где, по «Описанию», нет хлопчатобумажных «фабрик», «торгуют разным щепетильным товаром: платками, кумачом, китайками, выбойками, лентами, кружевами и другими для деревенских жителей надобностью»⁶⁵. Таких примеров можно было бы привести множество. Нельзя, однако, думать, что все учтенные в «Описании» заведения с наемными рабочими относятся к мануфактуре.

По данным Зябловского, в первом десятилетии XIX в. в Московской губернии находилось уже 31 хлопчатобумажное предприятие, «не упоминая о мелких рукодельных заведениях»⁶⁶. Быстрое развитие хлопчатобумажного производства в Московской губернии относится к более позднему времени. Например, рост уездного города Богородска (бывшего до 1781 г. села Рогожи на месте нынешнего Ногинска) начинает-

⁶¹ М. Чулков. Указ. соч. Т. VI, кн. 4, стр. 212.

⁶² М. Туган-Брановский. Указ. соч., стр. 35, 53.

⁶³ «Описание Москвы». СПб. 1781, стр. 133—147.

⁶⁴ М. Чулков. Указ. соч. Т. VI, кн. 3, стр. 635; Е. Дюбюк. Из истории промышленности Кинешемского уезда. «Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения». Вып. 3. Иваново-Вознесенск. 1925, стр. 124; П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 622.

⁶⁵ Чеботарев. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М. 1787, стр. 90, 161—162, 168.

⁶⁶ Е. Зябловский. Указ. соч. Ч. III, стр. 219. Данные этого автора противоречивы. В разных местах он дает цифры: 27, 28 и 31. Ср. Ч. II, стр. 330; «Краткое землеописание Российского государства». Изд. 2-е. СПб. 1810, стр. 91—92.

ся с 1788 г. и неразрывно связан с развитием ткацкого дела. В 1836 г. здесь насчитывалось до 10 заведений, вырабатывающих холстины, шелковые пояса, ленты и бумажные платки.

В хлопчатобумажном производстве особое место принадлежало Владимирской губернии. «Топографическое описание 1784 г.» насчитывает здесь 24 капиталистических предприятия, занятых ткачеством и набойкой. Некоторые из этих заведений нельзя отличить от полотняных. В набойчатых и выбойчатых заведениях производилось тиснение рисунка на холсте и на бумажной ткани. На 4 крашенных мастерских в Переяславле-Залесском делали набойку. 17 заведений в Шуйском уезде принадлежало «того же уезда крестьянам: на оных набирают полотна и платки... на сумму от 500 до 2 000 рублей» в год. В конце XVIII и начале XIX в. Владимирская губерния занимала уже ведущее место в хлопчатобумажной промышленности страны. Здесь имелось 105 хлопчатобумажных заведений⁶⁷.

Одним из крупных центров хлопчатобумажного производства было село Иваново, Владимирской губернии. Уже говорилось, что здесь издавна развивалось мелкокрестьянское товарное производство и что на его базе возникла капиталистическая промышленность. Но не все крестьянские хлопчатобумажные предприятия были капиталистическими. Некоторые историки (например, П. Экземплярский, Н. Л. Рубинштейн) причисляют к новым капиталистическим предприятиям все крестьянские промышленные заведения по сословному признаку. Но нельзя же принимать за капиталистов тех промышленников из крестьянства, «у буржуазной части которого имеются свои крепостные»⁶⁸. Некоторые крестьяне-«фабриканты» села Иванова не были капиталистами. Ткацкие «фабрики» Гр. Бутримова (приблизительно на 100 станах) и Ив. Грачева (приблизительно на 300 станах), основанные в 1751 г., работали на труде купленных на имя графа Шереметева крепостных крестьян⁶⁹. В 1827 г. многие крестьяне-«фабриканты» владели значительным количеством крепостных, купленных на имя Шереметева. Только за 1810—1811 гг. 165 крестьянами десяти вотчин Шереметева был куплен 1 751 крепостной крестьянин. В промышленных заведениях этих крестьян применялся и наемный труд.

Среди крестьянских мануфактур, выросших из мелкого производства, в селе Иваново к началу XIX в. крупнейшим являлось предприятие М. Ямановского, где «ткутся миткали, выделяется набойка, ситцы, полуситцы, платки, ткут на 500 станов, обрабатывают набойки на 100 верстаков». В 1802 г. на мануфактуре Ямановского было изготовлено тканей на 121 820 рублей. В 1808—1810 гг. на ней работало 930 наемных рабочих, а сумма годовой продукции выразилась в 220 тыс. рублей. В 1816 г. здесь было уже 1 487 наемных рабочих.

В 1825 г. в селе Иваново всех ткацких заведений было до 170. Из них 125 являлись крупными ситцепечатными и бумаготкацкими мануфактурами⁷⁰.

По сведениям Зябловского, к началу XIX в. в России было 290 хлопчатобумажных заведений. Значительная часть их, несомненно, относится к капиталистической мануфактуре.

Мы представили лишь беглый и неполный обзор хлопчатобумажной промышленности в главных районах ее возникновения и развития. Более детальное изучение ее истории может быть осуществлено только в связи с исследованием вопросов капиталистического разложения массы крепостных крестьян.

⁶⁷ Е. Зябловский. Указ. соч. Ч. III, стр. 273—274.

⁶⁸ П. Экземплярский. Село Иваново в начале XIX столетия. «Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения». Вып. 3. Иваново-Вознесенск. 1925, стр. 152.

⁶⁹ Памятная книга крестьянина с. Иванова А. Ф. Полушина. «Русский архив». Кн. 2, вып. 6, стр. 177—178; Б. Н. Васильев. Формирование промышленного пролетариата Ивановской области. «Вопросы истории», 1952, № 6, стр. 107.

⁷⁰ См. М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 82, 153—155; П. Экземплярский. Указ. соч., стр. 154—155, 157—160, 164; К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М. 1947, стр. 355; М. Андреев. Указ. соч., стр. 177—178. Н. Полушин называет 160 ситцевых «фабрик». Н. Полушин. Очерк начала и развития ситцевой промышленности в селе Иваново и посаде Вознесенском. «Вестник промышленности». Т. I (VII), № 4. М. 1860, стр. 5.